



политика

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПОРЯДОК И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ

Проблемы обеспечения конституционного порядка и политической лояльности в российской истории, как, впрочем, и в истории других стран, появлялись одновременно с возникновением государственности. Естественно, значимость их в различные эпохи не была одинаковой. В более или менее спокойные, стабильные годы эти проблемы отодвигались на второй план, выступали в каких-либо иных формах (например, религиозной, философской и т. п.). Однако в периоды коренных политических переломов, смут, войн и других социальных потрясений они проявлялись со всей остротой, надолго поражая масштабностью своих последствий не только современников, но и потомков.

Для России в этом смысле во многом показателен минувший век, на протяжении которого устойчивость конституционного порядка и политическая лояльность россиян была проверена тремя революциями, двумя мировыми и гражданской войнами, двумя сменами государственного и общественно-политического строя, массовыми репрессиями. По существу граждане России целое столетие непрерывно экзаменовались на предмет лояльности. Многие, к сожалению, экзамена не выдержали или не пережили. Число жертв, понесенных Россией в результате этих событий, оказалось настолько велико, что к исходу второго тысячелетия не только гражданам, но и жрецам лояльности стало ясно:

- физическое уничтожение или подавление лиц, нелояльных по отношению к существующему режиму, не уменьшает, а увеличивает их число, подрывает жизнеспособность населения, подводит режим к политическому краху;
- нелояльность не обязательно выходит за рамки правового поля. Это естественный продукт и естественная форма политического поведения для отдельных индивидов и социальных групп в сложившихся социально-политических обстоятельствах;
- обеспечение и поддержание порядка и необходимого уровня политической лояльности в обществе – важное и необходимое условие стабильности конституционного строя, прямо и непосредственно обуславливающее перспективы возрождение России, ее устойчивого развития.

Несмотря на то, что к началу XXI века человечество накопило определенный теоретический и практический опыт решения проблем обеспечения конституционного порядка и лояльности, нашей стране

необходимо выработать свой, адекватный ее своеобразию вариант решения этих задач, причем, такой, который не только соответствует переживаемому ей переходному этапу, но и одновременно устремлен в перспективу.

Термины «стабильность государства», «конституционный порядок», «лояльность» являются одними из ключевых элементов сегодняшней отечественной политической лексики. В этой связи принятие Конституции 1993 года, несмотря на спорность многих ее положений, явилось стабилизирующим фактором для утверждения российской государственности. Политическая власть получила мощный легитимный инструмент для наведения порядка в государственно-правовой сфере.

Напомним, что понятие «порядок»¹ в мировой политической теории и практике всегда имело достаточно много трактовок. Оно используется для характеристики политического режима страны или даже системы международных отношений (вспомним, например, гитлеровский «новый порядок в Европе»). Близко к порядку понятие стабильности конституционного строя, включающее в себя гражданский мир, легитимность и эффективность власти, лояльное отношение к ней со стороны граждан и большинства социально-политических групп, независимо от случайностей. Порядок служит также нормой, которая заложена в основу политической деятельности (упорядочение общественных отношений).

Значимость конституционного порядка в ряду политических ценностей в любой период, в том числе и переходный, определяется двумя, уже давно отмеченными наукой, обстоятельствами.

Во-первых, упорядоченность общественных отношений является принципиальным условием не только стабильности государства, его функционирования, но и их прогрессивного изменения. При отсутствии, дефиците порядка увеличивается возможность прорыва в сферу политики чисто случайных факторов и мотивов поведения, девальвируется авторитет государства, в обществе растут беспокойство, неуверенность, напряженность, снижается уровень лояльности.

Во-вторых, опыт мировой истории говорит о том, что наибольших успехов достигали те общества, политическая культура и политическая система которых традиционно ориентировались на ценности порядка, лояльного отношения к существующим государственным институтам. И напротив, превалирование и тем более абсолютизация в обществе ценностей изменения (разрушить все «до основания») приводили к тому, что разрешение проблем и конфликтов растягивалось на многие десятилетия, достигалось слишком дорогой для общества ценой.

Трактовки конституционного порядка и отношение к нему как политической ценности во многом определяются общими представлениями о смысле и назначении политики. Как известно, с течением времени сложились две крайние точки зрения на эту проблему. Представители первой в принципе отрицают возможность и необходимость

¹ *Идея связи и зависимости порядка в обществе и государстве и собственно власти пронизывает многовековую историю общественно-политических и кротологических взглядов и концепций мыслителей и властителей. Так в древнекитайской «Книге правителя области Шан» (IV в. до н. э.) говорилось: «Порядок в государстве достигается тремя путями: законом, доверием, властью». К проблеме порядка и власти обращались многие западноевропейские и отечественные мыслители. Надо особо подчеркнуть роль русских юристов либерального направления. Например, С. А. Муромцев (1850–1910) под правом в целом понимал организованный правовой порядок. Потребность в идее порядка испытывали и сами царствующие особы, и Николай II свой манифест от 17 октября 1905 г. назвал «Манифест об усовершенствовании государственного порядка». Наведение порядка в условиях современного российского общества приобретает особую актуальность. См.: Халипов В. Ф. Власть. Кротологический словарь. – М., 1997. – С. 287.*

сознательного вмешательства в течение событий. Во-первых, потому что отсутствует возможность полностью рационального объяснения общественной жизни²; во-вторых, потому что «умозрительный порядок организации не может учесть всех органических правил, которые управляют обществом»³. Их противники рассматривают общественную жизнь как некий механизм, принципы функционирования которого познаваемы, а возможность рациональной регламентации значительна. Отсюда вытекает стремление жестко программировать перемены, считая при этом любые отклонения от программы результатом «ошибок» или «злонамеренного вмешательства».

Серьезная социальная дестабилизация, порождающая явления нелояльности, возникает в результате использования средств политической деятельности, неадекватных ее целям. Сами средства в политике могут деформировать результаты, исказить цель. Как правило, вольное обращение со средствами социально-политических преобразований вызывается неоправданным стремлением «выпрямить», сократить путь к тому или иному политическому идеалу. В конечном счете, это стремление оборачивается абсолютизацией политических претензий отдельных сегментов общества (как якобы выражающих данный идеал), и пренебрежением к другим общественным слоям, к человеку как таковому.

Возможность разрыва между целями и средствами политической деятельности существует хотя бы в силу различной их природы⁴. Первые формируются в сфере идеологии, вторые – в сфере культуры, будучи обусловлены множеством предпосылок технического, экономического, этнического и иного характера. Набор средств, необходимых для осуществления того или иного идеала, может сформироваться только с течением времени.

Если в процессе политических изменений цели отрываются от наличных средств, то происходит простое заполнение ячеек старой политической структуры новыми людьми, хотя это и сопровождается видимой интенсивностью событий на политической арене, яркостью сопровождающей их идеологической полемики. Когда нет приращения уровня культурных оснований политической деятельности, ее цивилизованности, степень неупорядоченности социальных процессов существенно увеличивается.

Именно выбором целей политических изменений, соответствующих наличным средствам, возможностям, представлениям людей, определяется норма, то есть, по сути дела, упорядоченность развития. Отношение к целям, предложенным политическими лидерами, является важной составляющей уровня политической лояльности. Оторванные от своих реальных культурных, социально-психологических, экономических предпосылок преобразования, какими бы желательными они ни казались их инициаторам, не могут восприниматься как «нормальные» большинством общества, сформировавшимся в определенной исторической среде. Реакция этого традиционного большинства

² См.: Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 1990. – С. 145; Хаек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. № 12. – С. 130.

³ Hayek F. *Kinds of Order in Society // The Politization of Society.* – Indianapolis, 1977. – P. 516.

⁴ Тема расхождения между целями политической деятельности, установившимися социальными нормами и культурой довольно подробно освещена Р. Мертоном и другими американскими социологами. См.: Американская социальная мысль: Тексты / Мертон Р., Мид Дж., Парсонс Т., Шюц А. – М., 1996.

на неподготовленные перемены, на неупорядоченное развитие оказывается, как правило, разрушительной, приобретает крайние формы проявления нелояльности.

Однако по-настоящему проблема лояльности возникает на уровне признания индивидуумом принятого конституционного законодательства и существующей политической власти. Признание или непризнание права на власть господствующей в обществе группы, содействие или противодействие ей – важнейший показатель легитимности власти – характеристика, хотя и разнонаправленная, но близкая к лояльности. Если легитимность выражает потребность народа в законной, справедливой и признанной власти над собой, то лояльность выражает потребность власти в поддержке и сотрудничестве граждан. Таким образом, проблема лояльности оказывается напряженной связанной с легитимностью⁵.

Проще всего мерить легитимность в духе юридического позитивизма – соответствием закону, с точки зрения признания на территории данной страны и на международном уровне, что нередко и делается⁶. Но простота эта – кажущаяся. Если под легитимностью власти подразумевать ее законность, то, как отнестись к проблеме, поставленной, к примеру, Р.Мертоном, – когда власть легитимна только для некоторых, но не для всех социальных групп?⁷ Можно, конечно, представить себе, что этой и других такого рода проблем при наличии закона не существует. Но реальная жизнь, особенно в современной России, не располагает к иллюзиям.

Как только общество попадает в зону системного кризиса, возникает проблема применения определенного таким образом понятия легитимности. Даже законопослушный И.Кант признавал право народа на бунт, если законный монарх оказался тираном. Только и он не предложил убедительного критерия тирании. Все упирается в банальный вопрос: а судьи кто?

Во все времена судьей в таких вопросах, в конечном счете, являлся народ. Разрешения на бунт не испрашивают. Проблема легитимности не в законности, а в отношении общества. Таким образом, понятие легитимности становится конструктивным подспорьем в диагностике лояльности отношений «власть – народ», когда трактуется не в узко юридическом, а в социально-политическом смысле, как признание правомерности существующей власти собственным обществом и другими государствами⁸.

Легитимность политической власти, а, следовательно, лояльное (нелояльное) к ней отношение, обуславливается многими обстоятельствами, среди которых – популярность лидеров, соответствие режима целям элиты, ее принципов и способов действия – традициям, нашедшим или не нашедшим отражение в законах, и т. п. Нельзя не видеть и глубокие ее предпосылки, коренящиеся в экономических интересах доминирующих социальных групп. Чтобы пользоваться устойчивым признанием общества, политическая власть должна как ми-

⁵ См.: Политология: Энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 151.

⁶ См., напр.: Политическая теория и политическая практика: Словарь-справочник. – М., 1994. – С. 144.

⁷ См.: Merton R. *Social Theory and Social Structure*. – N. Y., 1968. – P. 176.

⁸ См., напр.: Основы политологии: Краткий словарь терминов и понятий. – М., 1993. – С. 64.

нимум обеспечить лояльность тех классов и социальных групп, с интересами которых она, прежде всего, связывает материальное благополучие граждан.

Еще один фактор, в решающей степени влияющий на степень стабильности конституционного порядка, – динамика социальных интересов разных уровней общности. Именно в обеспечении их гармонического взаимодействия заключается важнейшее назначение политики. Исторический опыт убеждает в том, что деформация политических отношений, в свою очередь порождающая проявления нелояльности, возникает всякий раз тогда, когда отрицаются специфика, автономность интересов разных уровней общности.

Ясно, что разные способы выявления социальных интересов и обеспечения их взаимодействия далеко не безразличны для упорядоченности социально-политических отношений. Наша нынешняя специфика состоит в переходе от скрытых, бюрократических форм обеспечения этого взаимодействия к новым, открытым формам на основе политического плюрализма. Указанный принцип предполагает не только осознание множественности интересов и ориентации деятельности, но и понимание их совместимости. Это означает, что в обществе должны существовать зоны согласования интересов и позиций, единые правила поведения, которые, как порядок, принимались бы всеми участниками политического процесса. В этом случае политическая лояльность становится социальной нормой, а формирование реального, а не эфемерного, мнимого конституционного политического порядка происходит на основе наличия у разных политических сил общих коренных интересов, с вытекающей отсюда необходимости сотрудничества в их защите (конституционализм).

Способы согласования социальных интересов общества могут быть условно разделены на два типа: конфликтные и консенсусные. Первый тип исходит из возможности преодоления или даже ликвидации определенной группы интересов. Здесь господствует понимание истины не как процесса совместного поиска, не как результата диалога, а как некоего дара, которым кто-то (класс, нация и т. д.) безраздельно владеет, а кто-то полностью лишен. Естественно, никакого сотрудничества с нелояльными носителями «ложных истин» быть не может. Единственной реальной силой политической интеграции, достижения порядка в такой системе становится насилие. Оно рассматривается как эффективный метод решения всех сложных проблем. Однако исторический опыт (и в первую очередь, как было указано в начале статьи, наш отечественный) показал, что насилие обычно создает гораздо больше проблем, чем их решает; разрушая социальные интересы и их носителей, оно не в состоянии уничтожить те объективные условия и реальные потребности, которые рано или поздно ведут к воссозданию подавленных интересов и разрушенных социальных групп.

Тип регуляции социальных отношений, базирующейся на консенсусе, исходит из признания наличия разных социальных интересов

и их носителей как естественного состояния, из необходимости их согласования, а не подавления. Он основывается на общих принципах, ценностях, разделяемых всеми участниками политического действия, предполагает возможность достижения согласия по принципиальным проблемам развития. Стремление к сопоставлению позиций и интересов одной из своих предпосылок имеет понимание неполноты собственной истины. Сама же эта истина представляется скорее как процесс поиска и постепенного отбора наиболее целесообразных форм социальной организации.

Становление плюрализма как необходимого элемента обеспечения лояльности по отношению к новому политическому порядку и важного гаранта необратимости демократических преобразований в стране – процесс болезненный, противоречивый. Иным он быть и не может, ибо политическая культура нашего общества замешана на конфликте, «привыкла» к насильственным, жестким способам упорядочения социальных процессов. Между тем без соответствующих культурных и социально-психологических предпосылок (в том числе и новых представлений о конституционном порядке) трудно использовать политический плюрализм в качестве эффективного средства социальной и национальной консолидации.

Уровень политического порядка ныне понижен до опасного для сохранения социальной целостности состояния. Сказываются практиковавшаяся в течение длительного времени и привычка к конфронтации, установка на отбрасывание мнения политического оппонента. В условиях реальной интенсификации политической деятельности все это порождает стремление к политической самоидентификации через непримиримый конфликт с другими социальными группами. И отсюда – пренебрежение к законности. Для экстремизма характерно возведение противоречий в степень антагонизмов, когда все иные интересы, кроме собственных, отбрасываются. Очевидно, что нашему обществу, всем его политическим силам и институтам придется пройти сложную школу осознания и отбора альтернатив – в суждениях, действиях, способах регуляции общественных отношений.

Специально необходимо остановиться на форме деятельности, которая представляет особую опасность для политической стабилизации. Речь идет о деятельности мафиозных структур, которые пытаются использовать сложное переходное состояние нашего общества для удовлетворения своих хищнических appetитов. Указанные структуры, вырастающие в результате сращивания уголовного мира с представителями органов власти и управления, стремятся дезорганизовать, а зачастую просто парализовать регулятивные функции политического режима. Наносятся удары по узлам общественных связей, наиболее уязвимым, осязательным для каждого гражданина.

Роль мафии в любом обществе уподобляется действию раковых клеток, уничтожающих здоровые, т. е. нормальные, необходимые для социальной жизни связи. Такая разрушающая и всепожирающая спо-

собность возникает в значительной степени потому, что в мафиозных организациях существует качественно иной тип лояльности, чем в политических структурах. В мафиозных группировках используются предельные «кары и награды», намного порядков превосходящие те санкции и поощрения, которые применяются к гражданам, функционерам. Мафия инфидуирует, разрушает зачатки демократических политических институтов, подрывая политическую лояльность граждан и государственного аппарата.

Одним из самых опасных для политического режима разрушительных последствий, вытекающих из самого факта существования такого рода криминальных интересов, служит утрата доверия к политическим ценностям со стороны членов общества. Они во все меньшей мере связывают защиту собственных интересов, своей безопасности с политическим режимом. Это оборачивается обескровливающим для указанного режима отчуждением человека от политического процесса, утратой лояльности со стороны большинства граждан к существующим политическим институтам. Устанавливается чисто принудительный контакт гражданина с государством. Происходит их взаимный отказ от обязанностей по отношению друг к другу, чреватый скатыванием к тоталитаризму.

В этой связи тоталитаризм в обыденном сознании часто рассматривается как средство избавления общества от мафиозных структур. На самом же деле тоталитаризм заменяет политическую лояльность (по природе своей предполагающую наличие морального выбора, уважения к законам и интересам людей) жесткой лояльностью мафиозного типа. Официальные институты превращаются в мафиозные структуры, а руководящая ими партийно-государственная номенклатура, связанная корпоративной порукой, получает свою долю «сверх», на «законных» основаниях⁹. Здесь необходимо отметить, что в периоды перехода от старой к новой модели регуляции общественных связей уровень их неупорядоченности всегда неизбежно возрастает. Но есть осязаемые пределы поддержки перемены массами. Они не должны вести к потере безопасности людей, переходить границы того, что общественное мнение считает порядком¹⁰. Если параметры социальной упорядоченности и защищенности существенно понижаются, то люди начинают негативно воспринимать политику и все, что в ней происходит, а это оборачивается глубоким разочарованием граждан в предложенном им политическом курсе, нарастанием социальной тревоги. Следствием обычно оказывается готовность определенной части общества принять любые незаконные, но зато «эффективные» способы упорядочения социальных связей. Наиболее приемлемым средством самозащиты, противодействия тенденциям и событиям, которые люди контролировать уже не в состоянии, начинается рассматриваться насилие. В значительной степени оно является результатом разочарования в регулирующих возможностях политики. Поэтому в процессах реформирования нашего общества столь

⁹ См.: Арендт Х. *Массы и тоталитаризм: теоретическая статья* // *Вопросы социологии*. — 1992. № 2. — С. 24–31.

¹⁰ Между тем, по данным отечественных социологических исследований, у 56% людей отсутствует чувство личной безопасности. То есть дефицит порядка ощущается очень остро. Эти данные были опубликованы в статье А. Возьмителя «Пессимистам работать не хочется» в № 3 «Московских новостей» за 1992 г. Положение с тех пор в лучшую

сторону принципиально не изменилось.

По результатам социологических опросов, проводившихся Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП), 93% населения считают, что 2001 год был для страны трудным или очень тяжелым. Лишь немногим более 10% населения оценивает итоги 2002 года положительно, а подавляющее большинство (83%) оценивают их отрицательно.

См.: *Граждане России об итогах года // Независимая газета. 14.01.2002 и 11.01.2001, соответственно.*

важно сохранять чувство меры, не подменять законность «революционной» целесообразностью, исключать из практики использование крайних средств политического действия, непродуманных, не взвешенных актов, рождающих новые импульсы к насилию, подрывающих лояльность, веру в ценность порядка.

Конечно, трудно ожидать, что процесс демократизации в обществе, длительное время развивавшемся в условиях мобилизационной стабильности, быстро пойдет нормальным путем. Видимо, не стоит особенно удивляться и появлению в переходный период уродливых явлений симбиоза тоталитаризма и демократии. Наша сегодняшняя политическая жизнь демонстрирует немало явлений и процессов, являющихся демократическими по внешней форме или выражению, и тоталитарными по своему содержанию. Поэтому неизбежно предстоит более или менее длительный переходный период, когда в качестве доминирующего типа будет сохраняться фрагментарная политическая культура, являющаяся как бы слепком состояния раскола общества.

Весьма значимым признаком фрагментарной культуры является наличие у ее носителей так называемой локальной лояльности. Иными словами, огромная часть населения привержена группам и институтам, которые представляют местные либо региональные интересы. Признается их приоритет. В то же время лояльность к общегосударственным институтам выражена слабо или вообще может отсутствовать. В этих условиях, естественно, трудно говорить об обеспечении стабильности конституционного строя «как системы социальных, экономических и политико-правовых отношений, устанавливаемых конституцией и другими конституционно-правовыми актами законами»¹¹.

В переходный период в политических движениях и партиях, по сути, продолжает доминировать свойственный тоталитаризму культ борьбы «до упора». Но в то же время декларируется приверженность мирным методам решения конфликтов, диалогу, гражданскому согласию, т. е. принципам плюралистической культуры.

Сохраняются во многом и прежние установки на быстрое по времени и простое по методам решение накапливавшихся десятилетиями социальных проблем. Стремясь к усилению своего влияния, различные политические силы (как те, которые реально находятся у рычагов власти, так и оппонировавшие им) прибегают к тактике «эскалации обещаний». Отсюда – увеличение разрыва между ожиданиями людей и ухудшением условий их жизни, что порождает настроения неуверенности, апатии, агрессивности, страха и, в конечном счете, нелояльности. Создается парадоксальная ситуация: единственным конструктивным способом выхода из этого положения является последовательное и форсированное проведение радикальных реформ. В то же время сложившаяся в обществе социально-психологическая атмосфера в минимальной степени благоприятствует таким реформам.

¹¹ См.: *Энциклопедический юридический словарь*. – М., 1998. – С. 146.

Так, например, по данным социологического исследования политической культуры студенчества, уже в 1991 году на вопрос о преобладающем настроении студентов были получены следующие ответы: 70,8% респондентов отметили усталость от «затянувшихся разговоров»; 40,6% – страх перед будущим, неуверенность в завтрашнем дне; 22,8% признали, что у них растет убежденность: пусть будет меньше демократии, но больше порядка; лишь 19,4% выразили уверенность в том, что в недалеком будущем все улучшится¹². Как уже отмечалось ранее, опросы, проведенные Российским независимым институтом социальных и национальных проблем, свидетельствуют о том, что за прошедшее время положение кардинально в лучшую сторону не изменилось.

¹² Исследование проведено по репрезентативной выборке в вузах Татарстана в ноябре 1991 года. См.:

Фарукиши М. Ф.,

Юртаев А. Н.

От культуры конфронтации к культуре диалога // Полис. – 1992. № 3. – С. 152.

Подобные настроения создают опасный социально-психологический фон, который обуславливает широкое распространение крайних поведенческих реакций людей (например, быстрый и подчас внешне слабо мотивированный переход от состояния массовой апатии к социальной истерии и агрессии). Инициаторы перестройки пытались совместить в ее русле принципиально разные векторы общественного развития: «социалистический выбор» и «коммунистическую перспективу», с одной стороны, рынок и приватизацию собственности, с другой (естественно, безуспешно). На практике это приводило к многократному увеличению сложности и без того непростых преобразовательных процессов, способствовало дезориентации людей. Ведь каждая социальная группа могла найти себе в такой «кусочно-несвязанной» идеологии ценности на свой вкус. Но общественный корабль не может одновременно двигаться в противоположные стороны. В результате общество фактически стояло на месте, подвергаясь при этом всевозрастающему испытанию на разрыв. Ни о каком установлении конституционного порядка и обеспечении политической лояльности граждан к существующим государственным институтам в таких условиях всерьез говорить не приходится.

Отражением этого процесса в общественном сознании явился своеобразный «феномен сшибки», когда качественно разные идеалы, ценности и нормы культуры как бы «наезжают» друг на друга. При чем подобная «сшибка» проявляется отнюдь не только во взаимодействиях представителей различных социальных, демографических, национальных и возрастных групп, она происходит внутри самого человека¹³.

Преобладание духа недоверия между различными социальными силами отражает еще одну черту фрагментарной культуры – отсутствие и слабость традиции демократических процедур улаживания конфликтов. «Государства с фрагментарными политическими культурами имеют тенденцию к широко распространенному политическому насилию, непримиримым, огромной интенсивности конфликтам между новыми социальными группами, обычным уклонением от закононо признанных, гражданских процедур, существующих в более стабиль-

¹³ Более подробно см.: Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х гг. – М., 1999.

¹⁴ Rosenbaum W. *Political Culture*. – N. Y., 1975. – P. 44.

¹⁵ Подробно см.:
Фарукишин М. Ф.,
Юртаев А. Н.
От культуры
конфронтации
к культуре
диалога //
Полис. – 1992.
№ 3. – С. 148–153.

ных системах»¹⁴. В связи с этим одним из существенных признаков фрагментарной политической культуры в литературе по политологии называется правительственная нестабильность¹⁵.

Как уже отмечалось, тоталитарная политическая культура загоняет вглубь социальные конфликты, «не признавая» их. В советском менталитете прочно укоренилась традиция (не вполне преодоленная и сейчас) однозначно негативной оценки противоречий, конфликтов и кризисов. Между тем, и то, и другое, и третье, если так можно выразиться, есть «рабочий», естественный элемент в функционировании и развитии любого социума. Общественные системы отличаются друг от друга вовсе не тем, что какие-то из них могут существовать без противоречий, конфликтов и кризисов, а тем, что одни имеют отработанные механизмы решения возникающих трудностей (преимущественно на ранних стадиях их проявления), в то время как другие испытывают существенный и хронический дефицит в оптимальных механизмах решения социальных, политических, экономических и иных проблем, доводят их до шока, коллапса.

Наше общество объективно заинтересовано в формировании условий для ускорения перехода к плюралистической политической культуре, что является одной из предпосылок обеспечения политической лояльности большинства населения к существующему конституционному порядку. Однако необходимо учитывать серьезные ограничения, связанные с попытками форсировать этот переход, поскольку новая культура в основном является продуктом действия совокупности процессов спонтанного регулирования, а не целенаправленного или целерационального управляющего воздействия. Иначе говоря, существует органический «жизненный цикл» складывания политической культуры, темп которого не может быть выше реальных способностей данного социума адаптировать и интегрировать демократические ценности, процедуры, правила, установки. Прочной основой действительного прогресса могут быть лишь расширение сферы автономных социальных образований, рост самоорганизации общества, кристаллизация его сознания на основе универсальных культурных ценностей, что может в конечном итоге лечь в основу обеспечения конституционного порядка и политической лояльности граждан как одной из его основ.

Таким образом, конституционный порядок является принципиальным условием не только безопасного существования личности и государства, но и их прогрессивного развития. Отсутствие порядка увеличивает в сфере политики возможность проявления чисто случайных факторов и мотивов поведения, снижает уровень защищенности личности, девальвирует авторитет государства, крайне отрицательно влияет на его стабильность и политическую лояльность граждан.